

А. Н. БУЛЫКО

ЛЕКСИКА ЛИТОВСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА

Наиболее совершенным представляется такой исторический словарь, в котором отразилась бы вся зафиксированная в памятниках письменности данного народа лексика. Однако в лексикографической практике в зависимости от задач словаря и возможностей их реализации применяется дифференцированный подход к различным типам лексического материала. Особую трудность при этом вызывает отбор и обработка слов иноязычного происхождения, характеризующихся неодинаковой степенью освоения языком-рецептором. Сказанное относится и к подготовленному сотрудниками сектора истории белорусского языка Института языкознания им. Якуба Коласа АН БССР многотомному историческому словарю белорусского языка, издание которого началось в 1982 г.¹ и будет продолжаться в течение ближайших десятилетий.

В языке белорусской письменности XIV—XVIII вв., являющемся источником исторического словаря белорусского языка, иноязычные лексические средства занимали заметное место. По отношению к лексической системе старобелорусского языка они подразделяются на заимствования (слова, освоенные в фонетическом, морфологическом и семантическом отношении), экзотизмы (слова, которые подверглись лишь частичной, как правило, фонетико-морфологической адаптации) и иноязычные вкрапления (лексические средства, которые воспринимаются как инородные элементы). Среди слов литовского происхождения, нашедших отражение в памятниках белорусской письменности, отмечаются лексические единицы первых двух типов. Из них полнее всего изучены заимствования.

Лексические заимствования из литовского языка составляли в словарном составе старобелорусского языка небольшой в количественном отношении, но, пожалуй, один из наиболее активных в коммуникативном отношении пласт лексики. Это объясняется тем, что среди них преобладали названия конкретных реалий, преимущественно предметов бытового назначения. Проникали

¹ См.: Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1982—1987. Вып. 1—7.

же литовские слова непосредственно, путем устных контактов, что необходимо рассматривать как закономерное явление в условиях близкого соседства и многовекового нахождения литовцев и белорусов в одном государстве.

Основная часть литуанизмов благодаря своей распространенности в белорусских диалектах или же повсеместному использованию в бытовой и хозяйственной сферах характеризовалась широкой употребительностью в литературно-письменном языке, особенно в памятниках деловых жанров, которые по сравнению с другими жанрово-стилевыми разновидностями старинной белорусской письменности в большей степени приближались в языковом отношении к живой народной речи. К числу широкоупотребительных слов относятся, напр., такие литуанизмы, как *бонда*, имевший значения 'имущество', 'деньги', 'зерно': *коли чіи паробькы украдутъ што . . . коли первое украдетъ, ино его не вешати, а заплатити бондою его, а не будетъ бонды, ино осподаръ его за него заплатитъ* (АЗР, I, 82, 1468), *почала она носити з одрыны до гумна жито паробька моего новицького боньду его* (КВС, 544, 1552), *я пани Ивановая, инока Агафья, записала есми бонду свою, у Витебску, селце Улановичи къ святой Троицы* (АЗР, III, 233, 1578); *кляня 'рига, молотильный сарай'*, известный и в вариантах *кляня, кляна, кляня, кляня*: *взялъ есми кляню а вжо згнила была* (КМС, 153 об, 1516), *ему уво всемъ гумне и въ евьи и въ кляни есть третья часть* (АВК, XVII, 376, 1541), *лазня за дворомъ, у гумне кляня из евьею* (АВК, XXI, 210, 1556), *осети зъ печьми две, напротивъ ихъ же кляня где збожье молотятъ* (АВК, XIV, 77, 1563), *Житница: Гумно, шпехлер, спешарня, стодола, кляна* (Бер., 44); *свирень 'амбар'*, зафиксированный в письменности и в вариантах *сверень, свиронь*: *сверень мой зо всеми статки загамоваль* (АВК, XXI, 255, 1556), *когда бы покрадено которому пану або земенину свирень скарбный* (Ст. 1588, 537), *за той пивницею свиронь скарбный на столью* (АВК, XIV, 436, 1592); *стирта 'скирда'*, употреблявшийся также в вариантах *скирта, стьрта*: *тая стирта жита, которая у моемъ гумне стоить, есть моя властная* (АВК, XVII, 279, 1541), *въ гумне жита въ скирте копъ пятьдесятъ* (АВК, II, 220, 1580); *у двоухъ стьртахъ жита зложоного копъ сто* (АВК, VIII, 466, 1593).

Такое же широкое использование в памятниках старинной белорусской письменности находят литовские по происхождению слова *дирвань (дырвань)* 'земля, густо поросшая травой', *дойлидъ (дойлида)* 'строитель, плотник' *ковшь, куль* 'сноп соломы', *пуня* 'сенной сарай', *склють (скглють)* 'плотничий топор', *торпъ 'скирд'*, *шуло (шула)* 'столб, верей'.

Часто фиксировались в деловых документах, исходящих из центральных и периферийных канцелярий различных местностей Белоруссии и отдельные социально-экономические термины литовского происхождения, напр., названия государственных налогов — *дякло (дзякло)* 'налог зерном', *мезлева (мез-*

лива) 'налог за содержание скота': велели есмо имъ посполъ зъ волостью мезлеву и дякло на господаря его милость давати (КСД, 158, 1514), мезливы, которыи на насъ съ подданныхъ нашихъ на кождый годъ приходятъ (АЗР, II, 196, 1529), вызволити ихъ рачили отъ службы тяглое, отъ хоженья в подводды и отъ даванья дяколь (АВК, XXII, 435, 1570), чиншы, посопы, дякла и вшелякие податки отъ подданныхъ выбирать (АСД, II, 73, 1652); названия лиц по участию в производственно-экономическом процессе — лейтъ (лейти) 'человек, обслуживающий конский завод, лошадиник': я ивко господарьский звечный лейти а землю маю отчизну свою (КМС, 74, 1514), обрати десять человекъ тяглыхъ, а не конокормцевъ и не лейтовъ (АЗР, II, 146, 1522); рыкунья 'надсмотрщица над скотом': коровъ... большей рыкунья по выпущенью доити не могла (АВК, XVII, 6, 1539), рыкунья настася переймаючы утичу мою подле озера на болоте немало побила (КВС, 560, 1552) и др.

Заметны в письменных памятниках, возникших на белорусской этнической территории, и литуанизмы с более узкими ареалами распространения, напр., болтушникъ (балтушникъ, бовтушникъ) 'скорняк', евья (евня) 'постройка с печью для сушки снопов', ендова (яндова) 'большая миска для мытья белья и посуды', клоймъ (клаймъ) 'место для зерна в гумне', кульша 'бедреный мосол', кумпъ (компъ, кунпъ) 'окорок', орудъ 'закром', пакуле 'пакля', применъ (приимень) 'сени, пристройка', ройстро (ройство, ройсто) 'заболоченное место', скилондъ 'желудочная колбаса', и лексемы, получившие единичную фиксацию — атоса (отоса) 'тяж (в телеге)', дырса 'костер', милта 'толокно', скитера 'кусок сала'.

Многие из названных слов сохранились если не в литературном языке, то в белорусских диалектах до наших дней, хотя не всегда в первоначальных значениях, как кстати тот же *дойлід*, заменивший в белорусском литературном языке первоначальное значение 'плотник' на 'архитектор'.

Относительно правомерности включения в исторический словарь перечисленных заимствований, пополнивших словарный состав старобелорусского языка в качестве средств номинации новых предметов или явлений местного предназначения, не возникает сомнения. Все эти слова полностью ассимилировались на белорусской почве в фонетическом, морфологическом и семантическом отношении и практически не отличались от собственно белорусской лексики ни по формальным, ни по смысловым, ни по функциональным признакам. О прочном закреплении этих слов в старобелорусском литературно-письменном языке свидетельствует также то обстоятельство, что все они, как правило, участвовали в словообразовательном процессе, причем количество дериватов при некоторых из них было довольно значительным, напр., при литуанизмах *дойлидъ* — *дойлидовая*, *дойлидовъ*, *дойлидский*, *дойлидство*;

дякло — дякольникъ, дякольный, подякольный; ковшъ — ковшикъ, ковшичокъ, ковшоватый; применъ — применецъ, применечокъ, применный; свиренъ — свиренокъ (сверенокъ, свиронекъ, свиронокъ), свиренная, свиренный, свирникъ, свирновый, присвиренокъ. По два деривата фиксируется в памятниках белорусской письменности от слов *лейтъ* (*лейтовъ* и *лейтский*), *пуня* (*пуница* и *пунька*). Остальные заимствования литовского происхождения образовали по одному деривату: *болтушникъ* — *болтушницкий*, *бонда* — *бондище*, *евья* — *евейный*, *ендова* — *ендовка*, *клуня* — *клунный*, *куль* — *кулевье*, *мезлева* — *мезлевица*, *рыкунья* — *рикуньинь*, *стирта* — *стирточка*, *торпъ* — *торпина*, *шуло* — *шульце* и др.

Некоторую настороженность могут вызвать у лексикографа лексические средства литовского происхождения, которые не имеют в памятниках письменности ничего общего с описанием местного колорита: *кетвиртайня* 'мера площади', 'четверть бочки', *койминецъ* 'крестьянин, живущий отдельно от отчинника', *пундель* 'мера веса', *ройтникъ* 'конюх', *явкъ* 'ремень, которым привязывают волю ярмо' и др. Они характеризуют специфику жизни литовского населения и в семантическом отношении белорусами не были освоены. Тем не менее пренебрегать подобными экзотизмами при лексикографической обработке материала белорусской письменности было бы ошибочным, поскольку они выполняли в старобелорусском литературно-письменном языке определенную информативную функцию. Фактически заменить их собственно белорусскими лексическими средствами не всегда представлялось возможным.

Значительно больше оснований для размышления лексикографу представляют зафиксированные в памятниках письменности лексические единицы литовского происхождения, в использовании которых, казалось бы, не было надобности. Именно так следует расценивать лексемы *алксинь* 'ольшаник', *броста* 'брод', *вердень* 'родник', *довба* 'овраг', *жакгра* 'соха', *кгирела* 'холм', *люнь* 'трясина', *мовкна* 'лыко', *ошвиникъ* 'конюх', *пиркойта* 'избушка', *рокгува* 'балка', *ситува* 'омут', *трокъ* 'поляна', *ушкуръ* 'примак', *шлойтъ* 'склон' и многие другие, употребленные для обозначения реалий, имевших в белорусском языке свои исконные наименования. Они встречаются в деловых книгах и документах, написанных на белорусском языке на территории этнической Литвы, где писарями в судебных канцеляриях были преимущественно литовцы. Безусловно, слова такого типа нельзя считать заимствованиями, а можно квалифицировать как лексические средства, употребленные под влиянием литовского языка. В отношении к лексической системе старобелорусского языка эти лексические единицы выступают как окказионализмы. Однако исключить эту лексику из исторического словаря нельзя. Их место в истори-

ческом словаре можно оправдать тем, что они органически входят в контекст и несут в письменном языке определенную семантическую нагрузку наряду с исконной лексикой.

Таким образом, в историческом словаре белорусского языка практически может отразиться вся лексика литовского происхождения независимо от ее грамматической принадлежности и степени ее семантического освоения. Исключение составляют лишь те лексические единицы, которые оказались в непривлеченных для словаря письменных источниках или использование которых не предусматривается принципами подготовки исторического словаря. К последним относятся собственные имена и географические названия. Понятно, включение в исторический словарь ономастического материала удовлетворило бы запросы не только лингвистов, но и специалистов других профилей. Но поскольку ономастическая лексика требует другого подхода при обработке, чем апеллятивная, составители словаря отказались от ее привлечения.

Вливаясь в состав картотеки, предназначенной для лексикографирования, лексика литовского происхождения подпадает под общие принципы обработки словарного материала, принятые составителями исторического словаря белорусского языка. Прежде всего она подчиняется закономерностям грамматической и графико-орфографической унификации, выработанным с целью оформления реестрового аппарата. В соответствии с этими закономерностями в качестве заглавной формы имен существительных (а необходимо отметить, что почти все литуанизмы — имена существительные) принимается форма именительного падежа единственного числа (*дирвань, куль, свирень; атоса, крушня, пуня; дякло, ройстро, шуло*), а заглавные прилагательные, кроме того, подаются в полной форме (*велдомый*). Все заглавные слова передаются соответствующими современными графическими средствами.

Проблема вариантов решается общим подходом к реестровому материалу, его оценкой с точки зрения того, представляют ли данные лексемы разновидности одной и той же словарной единицы или выступают как отдельные слова. В соответствии с этим первые подаются в одной статье, вторые оформляются самостоятельными словарными статьями.

В разряд вариантов, объединяющихся в одной словарной статье, попадают те слова литовского происхождения, которые имеют только орфографические расхождения. Чаще всего они являются продуктом разных фонетических процессов, протекавших в белорусском языке и влиявших на традиционную орфографию, как в случаях: *болтушникъ — балтушникъ — бовтушникъ, дирвань — дырвань, ендова — яндова, жибентяй — жебентяй, клуня — клоня, кумпъ — компъ — кунпъ, применъ — приименъ, ройтиникъ — ройтыникъ, ройстро — ройство — ройсто, рыкунья — рикунья, свирень — сверень — свиронь, склють — скглють, стир-*

та—стырта и т. д. Варианты подобного типа рассматриваются как неодинаковые манифестации одной и той же лексической единицы, объединяются при основном слове, в качестве которого выбирается наиболее употребительный в письменности вариант, и, кроме того, помещаются на своих алфавитных местах как отсылочные.

В отдельных словарных статьях оформляются имена существительные, которые отличаются формами грамматического рода: *дойлидь — дойлида, шуло — шула*.

Раскрытие семантического объема слов является одной из самых сложных лексикографических проблем даже для современных языков. Тем более трудно дать подробную семантическую характеристику лексики при создании исторического словаря, когда лексикографу приходится иметь дело только с письменными источниками. Лексика литовского происхождения в этом отношении не имеет принципиальных отличий от словарных средств, пришедших из других языков: раскрытие ее семантики достигается, как и вообще в историческом словаре, различными путями в зависимости от лексико-семантической характеристики слова и его грамматических показателей. Наиболее распространенным приемом толкования является подбор лексического эквивалента или ряда синонимов современного белорусского языка к соответствующим словам литовского происхождения: *довба* 'овраг', *лидимо* 'вырубка', *милта* 'толокно', *орудь* 'закром', *пакуле* 'пакля', *примень* 'сени, пристройка' и т. д. В случаях, если для раскрытия значения слов не находится соответствующих эквивалентов в современном литературном языке или же надо раскрыть оттенок значения, используется прием описательного толкования, как это принято в толковых словарях: *двикартя* 'чехол на перину', *крушня* 'граничный знак в виде груды камней', *кудра* 'лес на болоте', *сойть* 'предмет волшебства'. Толкования иногда сопровождаются некоторыми сведениями энциклопедического характера, особенно если слова обозначают древние реалии и понятия: *жибентяй* 'лицо, обеспечивавшее замок топливом и освещением', *койминець* 'крестьянин, который проживал не во дворе отчинника, а отдельным домом', *торпостай* 'судебный следователь на территории Литвы и прилегающей части Белоруссии'. Практикуются в словаре также отсылочные определения.

Ценность словаря увеличивается от того, что в словарных статьях при толковании слов приводятся все определенные на основании картотечных материалов значения многозначных лексических единиц, а также, если для этого есть серьезные основания, и их оттенки, напр.: *бонда* 'имущество', 'деньги', 'зерно', *дякло* 'налог зерном', 'определенная мера зернового налога', *кет-виртайня* 'мера площади', 'четверть бочки.' Созданию целостной, всесторон-

ней характеристики многих лексем способствует тщательно подобранный и размещенный хронологически иллюстративный материал. Как правило, выбираются те примеры, которые лучше раскрывают семантический объем литуанизмов. Цитаты приводятся по возможности короткие, но представляют собой законченное синтаксическое целое. В иллюстративной части словарных статей помещаются также примеры на орфографические варианты, перечисленные после заглавной формы и поданные отдельно на своих алфавитных местах. Каждый пример из памятников паспортизирован. Орфография цитат и орфография оригинальных текстов, откуда взята цитата, совпадают.

Общее представление о способах лексикографической обработки литовского по происхождению лексического материала в историческом словаре белорусского языка можно получить на основании словарных статей с заглавными словами *дойлидъ*, *дякло*:

Дзякло см. дякло.

Дойлида суц. *То же, что дойлидъ*. каждый кузнец и дойлида он же в нощи яко и во дни поработаеть (Скор. ИС, 62); панъ Гораинъ дойлиду господарьского Павла Олехновича держить у Озерницы у везенью невинне (АВК, XXII, 192, 1565); тежъ и муралія пытали, Яна Войтеховича, который въ тые жъ слова поведиль, якъ дойлида (АВК, VIII, 28, 1597); на Сидору Степановичу доилиде виделомъ также раны у голове и по рукахъ (АВК, VI, 44, 1625).

Дойлидъ суц. *Строитель, плотник*. некоторыи мастеръ доилидъ в лесе древо ровное выгавъ (Скор. ПБ, 19 об); Аристь Онисковичъ Сытковича дойлидъ оповедалъ передо мною (АВК, XVII, 9, 1539); богъ светъ створиль яко дойлид хоромину (Будный, 116 об); в неделю, июня десятого дня, дойлидове пильники и копачи мои шли до корчъмы (АВК, XXXVI, 121, 1582); Мойсея Касюковича дойлида округне збили и змордовали (АВК, XXVIII, 292, 1646); змовили дойлидовъ покрывать и робить комору, човековъ пять гуртомъ (ИЮМ, VIII, 84, 1691). Ср. дойлида.

Дякло (дзякло) суц. 1. *Налог зерном*. нехай они тую землю держать и намъ съ того службу служить и дякло дають (КЗ, 558, 1494); с того поля дякло господарю его милости даемъ (КМС, 22, 1510); службу съ тое земли служу и дякло на замокъ даю (АВК, XVII, 370, 1541); отъ дякла и ото всякихъ беремъ повозовыхъ которые подводами зовуть ... выняты суть (Ст. 1588, 93); до того дякла житное и овсяное (АВК, II, 156, 1597); чиншы, посопы, дзякла и вшелякіе податки отъ подданныхъ выбирать (АСД, II, 73, 1652); дани и дякла давати не мають (АВК, IV, 94, 1670).

2. *Определенная мера зернового налога*. кухару Борису три дякла ржи въ городничого Городеньского (КЗ, 229, 1486); съ того жъ двора Волчина взялъ панъ Литаворъ двадцать дяколь жита (КСД, 875, 1516); сорочники тую землю,

отчизну мужа моего, на две службе и на две дякле были розделили (АВК, XVII, 113, 1540).

Все изложенное дает основание заключить, что в основе работы составителей исторического словаря белорусского языка как при отборе лексики для словаря, так и на этапе ее лексикографирования лежит принцип изучения всего наличного материала на данное слово с учетом лингвистических и культурно-исторических факторов.

LEXIK LITAUISCHER HERKUNFT ALS QUELLE FÜR HISTORISCHES WÖRTERBUCH DES BELORUSSISCHEN

Zusammenfassung

Im Artikel wird die der Sprache von Denkmälern des altbelorussischen Schrifttums eigene Lexik litauischer Herkunft (Entlehnungen, Okkasionalismen) charakterisiert, als Quelle für historisches Wörterbuch des Belorussischen. Es werden die Auswahlprinzipien sowie Methoden der lexikographischen Beschreibung und Angabe des Wortschatzes, d. h. graphisch-orthographische Unifizierung, Problem von Wortvarianten, Erschliessung des semantischen Umfanges, Exemplifizierung, erläutert. Es werden auch Beispiele der Wortartikel angeführt.

ИСТОЧНИКИ

АВК — Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею для разбора древних актов. Т. I—XXXIX: Вильна, 1865—1915.

АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографическою комиссиею, Т. I—V: СПб, 1846—1853.

АСД — Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т. I—XI: Вильна, 1867—1890.

Бер. — Лексиконъ славеноросскій именъ толькованіе, Всечестным отцемъ Кір Памвою Берындюю... згромаженный (Кутеин, 1653).

Будный — «Катихисисъ» С. Будного (Клецк, 1562).

ИЮМ — Историко-юридические материалы, извлеченные из архивных книг губерний Витебской и Могилевской. Вып. I—XXXII: Витебск, 1871—1906.

КВС — Книга Виленского замкового суда 1552 г. (Рукопись Центрального государственного архива древних актов. Ф. 389, кн. 240).

КЗ — Литовская метрика. Книга записей // Русская историческая библиотека. СПб, 1910. Т. XXVII.

КМС — Книга маршалковского суда 1510—1517 гг. (Рукопись Центрального государственного архива древних актов. Ф. 389, кн. 221).

КСД — Литовская метрика. Книга судных дел // Русская историческая библиотека. СПб, 1903. Т. XX.

Скор. ИС — Скорина Ф. Книга Иисуса Сирахова. Прага, 1517.

Скор. ПБ — Скорина Ф. Книга Премудрости божьей. Прага, 1518.

Ст. 1588 — Статут Великого княжества Литовского. Вильно, 1588.